

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ АРМЕНИИ

Становление этнографического отдела Государственного музея истории Армении¹ с его богатыми и обширными фондами, как и успешное развертывание этнографического музееведения в 1920-1930гг., связано с именем С. Лисициана возглавлявшего отдел в 1928-1947гг. Ученый приступил к работе в музее в сложный и трудный для его истории период², приняв отдел, по его собственному признанию, «в хаотическом состоянии»: в первое десятилетие своего существования этнографический отдел и весь музей в целом были не столько научно-исследовательским центром, сколько средоточием, а нередко и местом складирования не только различного рода культурно-исторических и художественных ценностей, но и огромного количества не имеющих к ним отношения предметов. «Потребовались огромные усилия и немало времени, чтобы из этого беспорядочного нагромождения предметов выделить экспонаты, представляющие действительную музейную ценность... В результате проделанной работы осталось небольшое убогое собрание, ни одна из коллекций не была представлена полностью. Встала настоятельная необходимость в кратчайший срок и всесторонне пополнить его. Период стихийного собирательства можно было считать завершенным³ и встала неотложная задача формирования фондов. Не полагаясь на случайные приобретения и малочисленные закупки музея, С. Лисициан принял единственно правильное решение-для его создания собирать материал целенаправленно, регион за регионом, организуя этнографические экспедиции не только во все районы Армении, но и в армянские поселения за ее пределами. Имея за плечами достаточный опыт научно-организационной и собирательской работы в Кавказском историко-археологическом институте в Тифлисе (1921-1931)⁴, а затем в возглавляемом им Центральном бюро краеведения Армении(1925-1928)⁵, он за довольно короткий срок достиг значительных результатов. О широте охвата и интенсивности развернутой С. Лисицианом полевой деятельности свидетельствует тот факт, что в период 1931-1938гг. под его руководством и при активном участии было осуществлено шесть экспедиций отдела: 1931-1932 - в Зангезур, 1934-1935 - в Лори, 1936-в историко-этнографический регион Джавахк, в 1938 - районы Севанского бассейна, не считая многочисленных индивидуальных поездок его самого в различные районы Армении. Сохранившиеся полевые материалы, дневники и отчеты экспедиций⁶ наглядно свидетельствуют, с какими невероятными трудностями была сопряжена работа каждой из них. Работа в тяжелых условиях разрушенного землетрясением 1931г. Зангезура, в отдаленных лорийских селениях, в пограничных районах в иноэтническом-грузинском- окружении среди джавахских армян, отсутствие самых элементарных бытовых и санитарных условий, сложности с продовольствием, с приобретением экспонатов и доставкой

¹ Название музея, созданного в 1921г., несколько раз менялось: в 1921-1935гг., Культурно-исторический музей, в 1935-1962гг., Государственный исторический музей, ныне Государственный музей истории Армении (далее-ГМИА).

² Подробнее о положении в музее в тот период см.: Л. Варданян, У истоков этнографического музея в Армении //Этнографическое обозрение (далее-ЭО), 1997, №2, стр. 133-138.

³ Национальный архив Армении (далее-НАА), ф. 428, оп. 4, д. 308, л. 2 об.

⁴ Л. В а р д а н я н, Степан Лисициан и Кавказский историко-археологический институт в Тифлисе //ЭО, 2000, №1, стр. 113-128.

⁵ Լ. Վ ր ղ յ ա ն, Ստեփան Լիսիցյանի գործունեությունը գաղափարափոխության բնագավառում, Հայ ժողովրդի մշակույթ, XI, 2001, էջ. 100-102:

⁶ Все они хранятся в фонде письменных источников этнографического отдела ГМИА (далее-ФПИ).

их в Ереван (в особенности, крупногабаритных, как, например, плуга, сохи и пр.), постоянные трудности с транспортом (большую часть пути из села в село, из-за отсутствия в то время шоссейных дорог, нередко приходилось идти пешком по опасным узким горным тропам и перевалам), недопонимание и недооценка целей и задач экспедиции местным населением, а также местным руководством (вплоть до сопротивления и подстрекательства против членов экспедиции) и, как результат, бесконечные проволочки в разрешении организационных и бытовых проблем, постоянная угроза нападения банд, особенно в глухих горных селениях, проявления религиозного фанатизма⁷-эти и другие подробности встают со страниц полевых дневников и материалов, являющихся в настоящее время уникальным историческим источником, отражающим всю специфику народной жизни и быта тех лет, а также сложности напряженной обстановки постреволюционного периода и установления советской власти в Закавказье⁸.

В качестве первоочередного объекта исследования Зангезур был выбран не случайно. Во-первых, здесь в эти годы в большей мере сохранялись остатки традиционного быта. Во-вторых, после зангезурского землетрясения в апреле 1931 г. в районе должны были начаться восстановительные работы, что в период социалистического переустройства тех лет неминуемо вносило серьезные коррективы в традиционный уклад жизни. С. Лисициан осознавал, что необходимо было не только срочно фиксировать старые формы быта, но и спасти то, что еще можно было спасти-собрать, записывать, фотографировать.⁹ Именно поэтому спустя всего четыре месяца после землетрясения экспедиционный отряд в составе С. Лисициана, Евг. Гюзальян¹⁰ и фотографа музея Сурена Золяна уже обследовал районы Гориса и Сиснана.

В двух полевых сезонах (в 1932-в Капане и Мегри) в Зангезуре был собран огромный вещевой (250 наименований) и иллюстративный (фотоснимки, зарисовки) материал, отражающий своеобразие этого историко-этнографического региона Армении, его традиционный быт, последствия землетрясения, элементы современной жизни, в том числе, колхозного строительства. Из разрушенного землетрясением Татевского монастыря С. Лисициану удалось спасти и доставить в Ереван «резную дверь, несколько сосудов и штук шесть экземпляров Айсма-вурка».¹¹ Полевой же материал, записанный ученым в этой экспедиции, был

⁷ Наиболее показателен в этом отношении подробно описанный в Дневнике ахалцихлякской экспедиции инцидент в с. Цухрут, где участницы экспедиции, подвергая свою жизнь опасности, едва избегали нападения женщины с камнями и дубинками в руках, разгневанной известием о том, что они намерены увезти из села в Ереван «чудотворное» рукописное Евангелие IX в. С. Лисициану пришлось довольно долго и терпеливо, не без опаски за возможные последствия, разъяснять научные цели экспедиции и постепенно успокоить разъяренную толпу, убедив ее в том, что никто не намерен насильно увозить Евангелие. Примечательно, что после того, как к вечеру страсти начали утихать, участникам экспедиции был устроен своеобразный «бойкот»: никто из сельчан не хотел общаться с ними, показывать или продавать вещи в качестве музейных экспонатов//ФПИ оп.1, д.119, тетр. 2, л. 6-9.

⁸ Подробности всех экспедиций см.: Л. Варданян, Евгения Тиграновна Гюзальян: забытое имя в армянской этнографии// Репрессированные этнографы, вып.2. Сост. и отв. ред. Д. Турмаркин, М., 2003, стр. 322-346.

⁹ Сам он обследованием Зангезура надеялся подытожить и обобщить свои предыдущие исследования (Нагорный Карабах, Мегри, Азулис) этого обширного юго-восточного культурного региона. См. Л. Варданян, Собирабельско-полевая деятельность С. Лисициана в 1920-е гг.; Հայ ժողովրդի նշանակը, XII, 2004, էջ 153-157.

¹⁰ Подробнее о Евгении Тиграновне Гюзальян (1903-1941), выпускнице этнографического отделения Гос. историко-лингвистического ин-та в Ленинграде, о ее работе в этнографическом отделе ГМИА и трагической судьбе см.: Л. Варданян, Евгения Тиграновна Гюзальян: забытое имя в армянской этнографии...

¹¹ Մ. Ս. Լ ի ու ի յ յ ի ն, Հայաստանի քաղաքների համար, «Պարար», Երևան, 1932, 4 դիմ.՝

столь обширен и полон, что в дальнейшем послужил основой его фундаментальной монографии «Армяне Зангезура» (1969).

Следует подчеркнуть, что зангезурская экспедиция явилась первым опытом полевой работы этнографического отдела ГМИА, призванной положить конец «хаотическому состоянию» его фонда и ознаменовавшей качественно новый — планомерный и целенаправленный этап работ.¹²

Следующим объектом обследования стал Лори, также осуществленный в два этапа: в 1934-1935 гг. В этой экспедиции особое внимание было уделено приобретению традиционных сельскохозяйственных орудий, домашней утвари и посуды, в особенности, деревянной, комплексов народной одежды и украшений¹³. Многочисленные подробности приобретения экспонатов и связанные с этим трудности,¹⁴ транспортные и бытовые проблемы («трудности с продовольствием, особенно с приобретением хлеба» и т.п.) содержатся в страницах экспедиционного дневника 1934 г. В Лорийской экспедиции был собран обширный полевой материал по традиционной культуре армян (народному жилищу, календарным праздникам, верованиям, культу местных святынь и местам богомоля, свадебной, родильной, похоронной обрядности, комплексам традиционной женской одежды и способам повязывания головы и т.д.), различным аспектам современной колхозной жизни, формирующегося нового быта, классовый борьбе и т.д.¹⁵, а кроме того уточнены и дополнены этнографические сведения по данному региону, ранее собранные Ерв. Лалаяном, в частности по семейной обрядности и суевериям.¹⁶

Подводя в своем отчете итоги двухсезонной Лорийской экспедиции и подробно представляя ее результаты, С. Лисициан особо подчеркнул, что она еще раз убедила в необходимости срочного сбора бытовых предметов и записи этнографического материала в условиях коренных социалистических преобразований. Для обследованного региона это было тем более неотложно, что по сравнению с Зангезуром, в Лори эти процессы протекают значительно быстрее и шире, в частности, из-за его близости к Тифлису и строительства железной дороги.¹⁷ В этой же экспедиции, согласно отчету, по мере возможности, был собран также археологический материал, рукописи, сделаны многочисленные фотоснимки исторических памятников, во всех обследованных селах тщательно проверено имущество закрытых церквей и из него отобраны и доставлены в Ереван представляющие музейную ценность предметы.¹⁸

¹² По решению дирекции музея для всеобщей наглядной демонстрации результатов этого успешного опыта, на основе собранных материалов была организована (1934-1937) постоянная экспозиция этнографического отдела, освещающая старый «умирающий» и зарождающийся новый быт Зангезура, пользующаяся большой популярностью у посетителей.

¹³ Примечательно, что началом маршрута С. Лисициан выбрал с. Дсех-родину великого поэта и своего близкого друга и единомышленника Ов. Туманяна. Описывая впечатления от посещения села через десять лет после смерти поэта и, в особенности, трогательную встречу с его старой матерью, ученый сразу же опытным взглядом этнографа обратил внимание на многие изменения традиционного уклада жизни, привнесенные социалистическим строительством («народ вышел из вырытых в землю жилищ..., ночью (по прибытии их в село - Л.В.) впервые зажглись электрические лампочки» и т.п.) *Մտ. Լիսիցյանի, Բնօրհանը Ժմբիցիսյանի, «Խորհրդային Հայաստան», 1934, 24 նոյեմբերի*

¹⁴ Так, например, во всех селах (Дсех, Мари, Лорут, Ахпат и др.) не прекращались поиски традиционного тяжелого двенадцатипушечного «черного плуга» («сев гутан»), который удалось найти лишь в самом конце экспедиции в с. Хачидур (ныне с. Дебед) и приобрести его после неоднократных переговоров с хозяином. // Дневник Лорийской экспедиции — ФПИ, оп. 1, д. 121, л. 17.

¹⁵ ФПИ, оп. 1, д. 107, 120.

¹⁶ Б. Լ ա ղ ա ղ ի, «Բարձրագույն», «Սոցիալիստիկ հանրակ», IX, 1902:

¹⁷ Архив ГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 394, л. 3.

¹⁸ Там же, л. 7-8.

Для предусмотренного обследования армян в местах их компактного поселения за пределами Армении, следующая экспедиция, в сезон 1936-1937 гг., была организована С. Лисицианом в соседний Ахалкалакский и Ахалцихский районы Грузии к армянам, «столетие назад после похода Паскевича» переселившихся из Высокой Армении в Ширак и Джавахк. Приобретение музейных экспонатов, причем не отдельных предметов, а тематических коллекций, как и в предыдущие годы, составляло одну из основных задач Ахалкалакской экспедиции: особое внимание придавалось изучению кустарных промыслов и ремесел, поскольку именно в этом регионе долгое время продолжали сохраняться традиции высокоразвитых и широко известных кустарных промыслов Карина и Эрзерума, выходцами откуда и являлись джавахские армяне. С. Лисициан подчеркивал, что «Ахалцха — это то место в Закавказье, где представлены все разновидности старых промыслов. В Тифлисе они давно исчезли. Наша цель — записать трудовой процесс мастеров, приобрести полную коллекцию инструментов и собрать материал о социальных формах амкарств».¹⁹ Был собран материал по ювелирному и оружейному делу, гончарству, различным видам ткачества, прядению, изготовлению ряда деталей традиционной женской одежды, выделке и обработке козьей шерсти и изделий из нее, изготовлению курительных трубок-чубуков и пр.²⁰ Он отражает довольно четкую картину состояния в этом регионе некогда прославленных кустарных промыслов, которые, к сожалению, в середине 1930-х гг. в большинстве своем уже не выдерживали конкуренции с фабричным производством не только в отдаленных уголках края, но даже в самом их центре — г. Ахалцха. Экспедиция 1936 г. привезла в Ереван огромный вещевой (250 различного рода экспонатов), иллюстративный (более 260 фотоснимков) и полевой (10 ученических тетрадей объемом в 92 л.) материал. Обширный полевой материал, собранный в с. Карцах, Сулда, Дилиф, Гюмбурда, Пока, Цухрут, Гандза, в Ахалкалаке и Ахалцихе охватывает все основные аспекты традиционной материальной и духовной культуры и социальных отношений армян данного региона, а также проявлений новых форм быта. Здесь имеются описания сельскохозяйственных орудий, форм землепользования, хозяйственной взаимопомощи, имущественного права, поселений, традиционного жилища и его утвари, мер веса, традиционной одежды, календарных праздников, свадебной обрядности, внутрисемейных отношений, мест богомолья, ряда магических приемов, а также довольно редкий для записей С. Лисициана фольклорный образец — эпическое сказание об отце Кероглы.²¹

Следует подчеркнуть специфические сложности Ахалкалакско-Ахалцихской экспедиции, которая проводилась в районах, имеющих пограничный статус.²² Этнографическая работа на территории другой республики среди армян, проживающих в иноэтническом — грузинском окружении требовала не просто особенной осторожности и такта, но в известной степени определенной смелости и мужества. Напомним, что это был период уже начавшихся репрессий, и в атмосфере всеобщей подозрительности каждый шаг сотрудников экспедиции мог

¹⁹ Дневник Ахалкалакской экспедиции // ФПИ, оп. 1, д. 119, тетр. 3, л. 4 об.

²⁰ В дневнике экспедиции содержатся многочисленные записи об этом: «Сразу же по приезде в Ахалкалак «начали систематический сбор медной посуды», «в с. Чамдура смогли приобрести почти все сельскохозяйственные орудия и домашние глиняные принадлежности, в городе — инструменты ситовщиков, а также рыболовные сети» и т. д. // Там же, тетр. 1, л. 4 и 4 об.

²¹ ФПИ, оп. 1, д. 108-118.

²² В каждом селении участники экспедиции обязаны были регистрироваться, а также получать разрешение на фотосъемку «как окрестностей, так и подробностей быта, однако с условием ничего не снимать по ту сторону турецкой границы». Так, в с. Рабат они «воздержались от съемки прекрасной панорамы с видом на старую крепость, поскольку рядом с нею располагались управление пограничного полка, казарма и военно-продовольственный склад // Там же, д. 119, тетр. 3, л. 2 об. и др.

быть неверно истолкован и стать поводом к провокации или даже иметь угрожающие последствия. Только большой полевой опыт С. Лисициана и его авторитет ученого помогли избежать многих нежелательных ситуаций, которые нередко возникали на местах.²³ К сожалению, запланированное на 1937г. продолжение Джавахской экспедиции с завершением ее в Ленинакане не состоялось. Оценивая с позиций современной этнографической науки деятельность Ахалкалакской и предыдущих Зангезурской и Лорийской экспедиций, следует признать, что еще в середине 1930-х гг. С. Лисициан предпринял и осуществил программу исследования армянского этноса в своей и иноэтнической среде, по своей актуальности созвучную научным и прикладным потребностям не только своей эпохи, но и сегодняшнего дня.²⁴

Осенью 1938г. С. Лисициан организовал экспедицию в район Севанского бассейна - в Нор Баязет (ныне Гавар), Мартуни и Басаргечар(ныне Варденнс). О размахе ее собирательской работы можно судить по данным Отчета, представленного С. Лисицианом,²⁵ и по вещественным результатам. В описях этнографического отдела зарегистрирован 221 экспонат, привезенный из этой экспедиции: коллекции сельскохозяйственных орудий, глиняной посуды, домашней утвари, детали традиционной одежды, обереги (ղիղղիւծ) от «сглаза» домашнего скота²⁶ и т. п., а также 362 фотоснимка. Тогда же осенью 1938г. С. Лисициан совершил этнографическую поездку в Аштаракский район для сбора экспонатов и записи материала по садоводству и виноделию. Кроме того, из Аштарака и Ошакаиа он доставил образцы традиционного женского головного убора и утвари, а также более 20 предметов церковного имущества.

Следует подчеркнуть, что отбор многочисленных предметов, представляющих культурно-историческую ценность, из имущества закрытых (или) подлежащих уничтожению церквей, был еще одним важным направлением собирательской деятельности ученого. Как полномочный представитель ГМИА, Наркомпроса республики, Института истории материальной культуры, Комитета охраны древностей он занимался этой сложной и трудоемкой работой практически во всех экспедициях и индивидуальных поездках, уделяя немало времени и сил отбору из церковного имущества ценных предметов культа, рукописей, старопечатных изданий²⁷ и т.п. Среди них были высокохудожественные образцы из церквей Погос Петрос и сурб Ованнэс в самом Ереване, эчмиадзинского монастыря св. Рипсимэ, монастыря Арч в Артике, сельских церквей Ленинакана, Аштарака, Дилижана, Гориса, Сисиана, Иджевана, Шамшадина и многих других мест.

Еще одной интересной формой собирательской работы С. Лисициана было заказывание мастерам- выходцам из различных регионов исторической Армении- макетов их традиционных народных жилищ, сельскохозяйственных орудий и т., причем в большинстве случаев тех же регионов, по которым сам ученый через армян-беженцев в эти годы собирал и записывал этнографический материал.

²³ Так, в с. Гандза по поводу просьбы женщин к участникам экспедиции открыть их церковь и восстановить службу С. Лисициан в дневнике отмечает: «Мы, конечно, в срочном порядке сразу пресекли подобные обращения, разъяснив, что наша работа никак не связана с открытием и закрытием церквей, тем более в пределах Грузии» // Там же, тетр.1, л. 9 об. - 10. Об инциденте в с. Цухрут уже говорилось выше.

²⁴ Отметим, что скудных ассигнований музейного бюджета едва хватало на приобретение экспонатов. Поэтому все рассмотренные выше экспедиции были организованы С. Лисицианом за счет внемузейных средств, благодаря его авторитету и личным связям: они были получены от Комитета восстановления Зангезура, Комитета помощи Армении, специальных средств Наркомпроса Армении и др.// ФПИ, оп.1, д.106, л.24.

²⁵ Архив ГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 60, л.1-3.

²⁶ Только в Нор Баязете и с.Еранос их было собрано 43 штуки.

²⁷ Из одной только Ахалкалакской экспедиции С. Лисициан привез 21 рукопись, затем переданных музеем эчмиадзинскому Матенадарану // Архив ГМИА, ф. 1 оп. 1, д. 39, л. 12.

Таким путем в фонде этнографического отдела уже к середине 1930-х гг. были собраны макеты по народной архитектуре и коллекции традиционных бытовых предметов Сасуна, Шатаха, Буланыха, Мокса, Тарона и др. областей.

Всего за несколько лет целенаправленной и интенсивной экспедиционно-собирательской деятельности были созданы фонды этнографического отдела ГМИА: на 1 января 1938 г. они насчитывали более 5200 экспонатов, 1310 негативов, 566 фотоснимков и 48 рисунков.²⁸ После научной обработки и паспортизации по полноте и широте охвата коллекций, высокому научному уровню их систематизации и каталогов, уже в предвоенные годы они не уступали фондам других музеев подобного профиля, а этнографический отдел ГМИА стал одним из ведущих научных учреждений страны. По оценке самого С. Лисициана к этому времени отдел располагал собранием ценных материалов, «богатству, разнообразию и научной ценности которого могла бы позавидовать любая союзная республика или зарубежная страна»²⁹. Для самой Армении это было важно еще и потому, что на протяжении 1930-х гг. именно возглавляемый С. Лисицианом отдел ГМИА являлся практически единственным этнографическим центром в республике.

Большой энтузиазм своего дела, ученый не ограничивался рамками лишь этнографического отдела, а всемерно стремился к обогащению фондов всех отделов музея. Благодаря его стараниям и энергии ценные предметы дополнили отделы археологии: музейные экспонаты из Татевского монастыря, капители, бронзовые украшения из Мегри, керамическая посуда и бронзовое оружие I тыс. до н.э. из Кошун-Даша (в Сисиане) и др. В отдел литературы поступили многочисленные рукописи, в художественный отдел - ценные полотна и материалы, полученные им во время командировки 1929 г. в Ленинград и Москву и т.п.

С. Лисициан подчеркивал, что и в армянской диаспоре, где «клока еще есть семьи, которые в память о дедовских традициях привезли с собой на чужбину дорогие сердцу предметы старого быта, встает вопрос, каким образом возможно их собрать, притом в спешном порядке, и доставить в Гос. музей Армении».³⁰ С этой целью через армянскую газету «Пайкар», издававшуюся в Бостоне, он обратился к американским армянам - любителям искусства и археологии и художникам - с призывом обогатить отечественный музей находящимися в их руках пергаментами, рукописями, картинами и другими ценностями³¹.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՊԵՏԱԿԱՆ ԹԱՆԳԱՐԱՆԻ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԲԱԺՆԻ ՖՈՆԴԵՐԻ ԿԱԶՄԱՎՈՐՄԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԻՑ

Անիկոխում

Լ. Վարդանյան

Հայաստանում 1920-30-ական թթ. ազգագրական քանգարանագիտության զարգացումը կապված է ակնհայտոր գիտնական Սա. Լիսիցյանի հետ: 1928 թ. նշանակվելով իր իսկ արտահայտությամբ՝ «քառասյին կիճակում» գտնվող ՀՊՊԹ ազգագրության բաժնի վարիչ, նա կանգնեց «խղճուկ ժողովածուն» շտապ լրացնելու անհրաժեշտության առջև: Այդ դժվարին խնդիրը իրագործելու և ազգագրական ֆոնդը հարստացնելու նպատակով գիտնականը «անցավ գալիստեզիայով» հավաքելով կենցաղային իրեր և ազգագրական նյութեր: Նրա կազմակերպած ազգագրական գիտարշավների (Չանգեզուր-1931-1932 թթ., Լոռի-1934-1935թթ., Ջավախք-1936թ., Սևանի ավազան-1938թ.) և գիտակազմակերպչական ակտիվ գործունեության շնորհիվ քանգարանի ազգագրական ֆոնդը հարստացավ 6000-ից ավելի արժեքավոր նյութերով՝ դառնալով լավագույններից մեկը Խորհրդային Միությունում:

²⁸ ՓՊՈ, օր. 1, ձ. 106, ռ. 25.

²⁹ ՆԱԱ, ֆ. 428, օր. 4, ձ. 304, ռ. 7.

³⁰ Արխիվ ԳՄԻԱ, ֆ. 1, օր. 1, ձ. 122, ռ. 4.

³¹ Ստ. Լիսիցյան, Հայաստանի քանգարանի համար, «Պայքար», 1932, 4 դեկտեմբերի: